

Д. Л. Тесленко

Дніпропетровський національний університет ім. Олесь Гончара

СПОГАДИ Н. П. ГРИГОРАЖ ЯК ДЖЕРЕЛО З ІСТОРІЇ НАЦИСТСЬКОЇ ОКУПАЦІЇ м. ДНІПРОПЕТРОВСЬКА

Опубликован текст лекции «Музей в 1941-42-43 годах» сотрудника Художественного и Художественно-исторического музеев г. Днепропетровска Н. П. Григораж, основанной на ее личных воспоминаниях. Проведена критика источника, определены основные черты повседневной жизни жителей города в условиях оккупации. Рассмотрена политика нацистов в области музейного дела и информации.

The author uses the text of the lecture «Museum in 1941-1943» that had been prepared and delivered by the N. Grygorazh, an employee of the State Art and State History museums of Dnipropetrovsk. That lecture was based on her personal recollections. The main features of routine city life under conditions of occupation are shown by the author of this article. The Nazi policy in museum administration area is examined.

Серед комплексу джерел, що належать до діяльності музеїв м. Дніпропетровська у період нацистської окупації, особливе місце посідає лекція Ніни Павлівни Григораж «Музей в 1941-42-43 годах» [1] (далі – «Лекція»). Як впливає з низки документів, Н. П. Григораж від початку окупації до середини лютого 1942 р. обіймала посаду наукового інвентаризатора Художнього музею [2, Спр. 1808, арк. 107], а в об'єднаному Художньо-історичному музеї – наукового секретаря [Там само, Спр. 1151, арк. 436]. Отже, автор «Лекції» була добре обізнаною з музейною справою у м. Дніпропетровську в окупаційний період і діяльністю «нової» влади в цій галузі.

Ознайомлення з текстом документа дозволило нам дійти висновку про необхідність публікації та аналізу цього неординарного джерела, які, по суті, і є метою запропонованої статті.

За жанром «Лекція» являє собою спогади, адже цілком очевидно, що текст написаний уже після визволення Дніпропетровська Червоною Армією, але не пізніше початку 1946 р., на що вказує зазначена на титулі приналежність музею до Наркомпросу, але ще не міністерства.

Титульний аркуш «Лекції» підписаний від руки, почерком, що відрізняється від особистого підпису Н. П. Григораж у кінці тексту.

Тим самим почерком нанесений і архівний номер. Таким чином, на архівний облік документ був узятий, знову-таки, не пізніше 1946 р. «Лекція» складається з 11 сторінок машинопису, надрукованих із рукописного оригіналу іншою особою. У тексті наявні помилки в написанні прізвищ або навіть пропуски останніх, що ~~полягається~~ нерозбірливістю почерку оригіналу для машиністки. Виправлення прізвищ здійснене рукою, яка підписала титульний аркуш. Крім того, у тексті містяться виправлення третьої особи, нею ж вписані й деякі з пропущених прізвищ дійових осіб. Виправлення цілком доречні, і це дозволяє припускати, що ~~коректори~~ вільно орієнтувалися в подіях та постатях, згаданих у тексті.

Документ початково створювався з просвітницькою метою і був орієнтований на широку аудиторію. Цілком імовірно, що автор «Лекції» отримала певне замовлення на низку публічних виступів, які згодом утілилися у конкретний документ. Також не можна виключати того, що Н. П. Григораж змушена була давати свідчення компетентним органам із приводу діяльності музею в роки війни, поведінки конкретних осіб та долі колекцій, і саме вони покладені в основу викладення.

Нижче наводиться оригінал документа з незначними нашими виправленнями, що стосуються здебільшого пунктуації. Коментарі подані у вигляді підсторінкових посилань.

*Днепропетровский
историко-археологический музей
им. академика Д. И. Яворницкого
Комитета по делам культпросвет учреждений
Народного Комиссариата просвещения УССР*

Текст лекции сотрудника музея Григораж Н. П.
на тему «Музей в 1941-42-43 годах»

МУЗЕЙ В 1941-42-43 гг.

Зимой 1941-42 г. Днепропетровский художественный музей представлял собой склад картин и скульптур. Крыша была разбита бомбами. Окна забиты фанерой. Экспонаты были сложены на II этаже.

Сюда по-прежнему часто наведывались немцы, пронюхав, что здесь хранятся соблазнительные для них вещи.

Брали мебель, вазы, скульптуры для украшения особняков, где жило начальство. Потом стали приезжать сотрудники штадткомиссара поменьше и тоже хватали, что могли.

В некоторых случаях это имело сравнительно официальный характер. Предъявлялись бумажки с печатями, составлялись списки взятых экспонатов. Но большинство случаев были иными. Ломились в музей среди ночи, заставляли испуганного Мефодия Васильевича РАДЕНЬКОГО под револьвером открывать комнаты, в темноте (света не было, окна были закрыты фанерой) хватали что-то и увозили. Утром мы с ПОГРИБ[НЯКОМ] наугад записывали потери. Брали экспонаты и в нашем присутствии, тогда мы старались получить хотя бы расписку, но это удавалось далеко не всегда.

После ухода Вячеслава Васильевича КОРЕНЕВА из музея директором был назначен Феодосий Емельянович БЕЛОЗУБ*. Это был директор землеустроительного техникума, помещавшегося в комнате 1-го этажа здания музея. Там даже шли какие-то занятия. В канцелярии техникума топили плиту, там собирались преподаватели и мы туда ходили греться, т. к. в помещении музея был мороз.

Когда немцы забирали экспонаты мы снова горевали, возмущались и просили БЕЛОЗУБА принять какие-нибудь меры, чтобы прекратить грабеж. Но БЕЛОЗУБ тяготился существованием музея. На наши жалобы он обычно говорил: «Хай беруть! Нам меньше мороки буде! Хай швидше розвозять всі ці картини, тоді і для технікума буде більше місця!».

До войны он преподавал в землеустроительном техникуме геодезию, об искусстве и о музее не имел никакого понятия, патриотизмом он не отличался и всеми силами способствовал грабежу музея. Он хорошо знал все помещения, охотно водил немцев всюду и не было никакой возможности что-нибудь спрятать.

Отделом культуры городской управы ведал «профессор» Иван Иванович ЗЕЛЕНСКИЙ – приятель БЕЛОЗУБА, заместителем ЗЕЛЕНСКОГО был Евгений Иванович ДОБРОВОЛЬСКИЙ (до войны – преподаватель металлургического института). Однажды в управе, в присутствии БЕЛОЗУБА, ЗЕЛЕНСКОГО и ДОБРОВОЛЬСКОГО, я стала плакать и жаловаться на то, что музей грабят. Я жаловалась на БЕЛОЗУБА и гово-

* Правильно БЕЛОГУБ – Д. Т.

рила, что он способствует грабежу. «Начальники» сидели с непроницаемыми лицами. Позже ДОБРОВОЛЬСКИЙ сказал: «Вы странный человек! Вы что, добиваетесь, чтобы мы вас уволили? Сейчас война! Немцы — завоеватели! Управа защитить музей от немцев не может. Будете когда-нибудь писать мемуары и вспомните все это».

Слова эти мне очень запомнились. БЕЛОЗУБ был доволен, а меня это не утешило. Я пошла в канцелярию управы, чтобы просить о какой-нибудь охранной грамоте.

Ответственный секретарь управы ничего мне не ответил, а САХАРСКИЙ вышел в коридор со мной. Сказал, чтобы мы по возможности составляли списки похищенных экспонатов и добавил: «Нашли где правду искать». Мечты БЕЛОЗУБА не сбылись. Ранней весной 1942 года техникум перевели куда-то в другое помещение, а потом закрыли.

В один из весенних дней к нам пришли сотрудники исторического музея М. Я. БЕЛЫЙ и И. Н. ТРОЛО. От них мы слышали, что исторический музей будет переведен к нам.

Оказалось, что здание Исторического музея приглянулось штаткомиссару КЛОСТЕРМАНУ и он там хочет устроить свою резиденцию.

КЛОСТЕРМАНУ особенно нравился центральный зал с верхним светом, где была хорошая акустика.

Мы с ПОГРИБНЯКОМ сначала просто не поверили, что огромное количество ценнейших экспонатов Исторического музея перевезут в здание без крыши.

Фронт был очень далеко и наш город был глубоким немецким тылом. Мы ничего толком не знали и жили одними противоречивыми слухами. Да и откуда было что-нибудь знать? В Днепропетровске выходила «Днепропетровская газета», где правды нельзя было найти. Работала радиостенгазета «Зендер ГУСТАВ». На украинском языке передача была 10 минут в день. И тут тоже никакой правды не было. Жили слухами, говорили, что зимой русские воинские части были в Павлограде, что из тюрьмы убежали пленные матросы, сделав ложками подкоп, что в новомосковском лесу действуют партизаны и немцы очень этим напуганы.

Говорили, что немцев побили под Москвой, но по-настоящему мы об этом узнали значительно позже от А. С. КЛИМЕНКА.

В городе появились виселицы. На углу Короленковской и Шевченко-вской висел человек с надписью «партизан», то же было на углу Исполкомовской и Комсомольской. Прилетели советские бомбардировщики и разбомбили узел, где стояли эшелоны с войсками и горючим. Но немцы

держались уверенно. Были открыты театры. В помещении клуба Железнодорожников для «цивильного населения» открыли «музыкально-драматический театр» – ставили «Запорожец за Дунаем», «Наталку-Полтавку», «Ревность» Арцыбашева. Спектакли начинались в 2 часа дня, чтобы зрители успели домой до комендантского часа. Для военных был открыт театр в помещении театра им. Шевченко. Было открыто несколько кинотеатров, в том числе один для гражданского населения, в помещении бывшего театра Юного зрителя (теперь гостиница «Украина»). Там шли картины с участием Гарри Пилая и Марики Гекк. Ходили трамваи по линии № 1 и № 2. Вагоны с окнами, забитыми фанерой. В моторный вагон гражданскому населению входить воспрещалось. Впрочем нам было ни до кино, ни до театров, ни до трамваев. Жизнь была голодная. Деньги ничего не стоили. В основном меняли вещи на продукты в близлежащих деревнях. По карточкам давали хлеб из лагеря (400 гр), 10 гр постного масла в неделю, 1 кг пшена в неделю. Можно еще иногда было доставать сыворотку на молзаводе.

Тогда постепенно стали перевозить экспонаты Исторического музея к нам на Шевченковскую. Этим занимались ПОГРИБНЯК, РАДЕНЬКИЙ и БЕЛЫЙ с женой, Паша ДУЗЬ, Зинаида Дмитриевна БУРЯКОВА, Ксения Ивановна (фамилию не помню), Сергей Константинович НАКЕЛЬСКИЙ, Андрей Сергеевич КЛИМЕНКО, Иван Несторович ТРОЛО.

Экспонаты возили двумя подводами, а грузили и сгружали их сотрудники музея. На помощь прислали сотрудников управы. Этот переезд тянулся долго. Возили вещи до середины лета. Очень тяжело было перевозить каменные кресты, бабы. Памятник Екатерины в то время был уже похищен. Карету XVIII века перевозили, а по дороге кто-то отрезал ремни. Вероятно, соблазнился кто-то из работников управы.

Штадткомиссар КЛОСТЕРМАН торопился с переездом, вероятно, хотел поселиться в здании музея. Все мы очень уставали, в обеденный перерыв отдыхали во дворе и не столько обедали (нечего было), сколько делились новостями. Особенно много интересного рассказывал Андрей КЛИМЕНКО. От него мы узнали, что немцев разбили под Москвой, что на Днепропетровщине есть сильные партизанские отряды, что немцы большие трусы, если им хорошо дают сдачи. Говорил об этом уверенно, с большим знанием дела.

КЛИМЕНКО был очень общительный человек. Он быстро со всеми перезнакомился и даже подружился с работниками землеустроительного техникума, которые к нам заходили по старой памяти. Это были Зоя

Васильевна САВЕЛЬЕВА (бухгалтер) и Галина Семеновна КАЩЕНКО (секретарь).

Конечно, и я, и Паша, и Николай Степанович ПОГРИБНЯК, и все остальные обращали внимание на странное поведение КЛИМЕНКА. Он иногда исчезал на некоторое время, иногда не выходил из музея по нескольку дней. Он хорошо был осведомлен о событиях, о которых нигде не писали. И главное, мы всегда убеждались, что он говорит правду. Он однажды пришел весь избитый. Объяснил, что его схватили полицаи, побили и посадили в тюрьму, но ему удалось бежать. Каждый из нас догадывался о том, что КЛИМЕНКО занят чем-то более опасным, чем работа в музее. Когда он после долгого отсутствия приходил измученный и голодный, мы кормили его, чем могли, а потом ждали его новостей. У него было много разнообразных документов и от музея, и от Землеустроительного техникума (Галина Семеновна сделала). С последними он мог передвигаться по всей области.

Кое-как экспонаты Исторического музея перевезли и сложили на первом этаже (в бывших классах). Переехали в музей на житье Паша ДУЗЬ с Любой и БЕЛЫЙ с женой. Управа нам дала название «Историко-художественный музей». Однако сотрудники считали себя работниками двух музеев. Прятали отдельно. Директором был назначен «профессор» П. А. КОЗАРЬ. После того как последние экспонаты были перевезены, управа сократила БУРЯКОВУ, ТРОЛО, КЛИМЕНКА. Ксения Ивановна к тому времени скорострительно умерла. БУРЯКОВА перед уходом просила меня спрятать ценные экспонаты. Когда она мне их показала, я едва удержалась от смеха. Это были аляповатые тарелки завода Кузнецова, слабенькие картинки, похожие на олеографии, [...], шитый бисером и т. д. Я тогда только поняла, что БУРЯКОВА (сестра жены ЯВОРНИЦКОГО) ничего не смыслила ни в искусстве, ни в истории.

Ценные экспонаты были спрятаны без нее более знающими сотрудниками музея (ТРОЛО, НАКЕЛЬСКИМ и БЕЛЫМ).

Летом 1942 года город по-прежнему был глубоким тылом, даже светомаскировка не очень соблюдалась. Свиристествовало гестапо.

Рядом с музеем по Шевченковской № 19 было два старых дома, которые немцы снесли. Потом согнали пленных и сделали «плац». Измученные пленные работали медленно, но над ними висели нагайки полицаев. Когда «плац» был готов, в домах по улице Клары Цеткин устроили казармы для полицаев, набранных из русских пленных. На «плацу» началось обучение. Из окон музея нам было хорошо видно все. Муштра

была очень жестокая. Били по лицу, заставляли приседать с автоматами по сто раз. Заставляли бегать вокруг «плаца» с кирпичами на плечах и в руках. Все время раздавались крики и ругательства.

Однажды утром мы услышали страшные крики из подвалов казарм. Оказалось, что секли нескольких полицаев, которые подали жалобу начальству на жестокое обращение. Обучали полицаев больше месяца, наконец, выдали им автоматы и одели в черные шинели с серыми воротниками и обшлагами. На следующий день в казарме оказались всего несколько человек. Остальные все убежали к партизанам.

Во время фронта в городе было разбито много домов, но немцы еще и много ломали. Почему-то сносили все угловые дома. Нагорный рынок решено было освободить от гражданского населения и заселить только немцами и фольксдойчами. Кроме того, хорошие дома во всех районах тоже заселялись немцами. Некоторые семьи выселялись по 3–4 раза. По улицам все время двигались люди с тачками, детскими колясками, узлами и свертками. Молодежь угнали в Германию. Никому не было ни одной минуты покоя.

В музее шла своя жизнь. Директор музея Павел Антонович КОЗАРЬ, который хоть и называл себя «профессором», но видно было по всему, что весьма ограниченный человек, имеющий об истории очень смутное представление.

Сразу после того как немцы зашли в город, была организована, кроме городской управы, областная управа, председателем которой был ОЛЕЙНИЧЕНКО, его заместителями были И. И. ЗЕЛЕНСКИЙ, П. А. КОЗАРЬ. Помещалась она в здании биологического корпуса государственного университета. Областная управа просуществовала недолго, как и газета «Вільна Україна». Управу ликвидировали, а газету переименовали в «Дніпропетровську газету» и сменили состав редакции.

Это, вероятно, объяснялось тем, что в управе и в редакции [было] много украинских националистов, которые почувствовали себя чуть ли не хозяевами положения. Немцам это не было нужно. Этих людей они потом использовали только как помощников. Таким был и КОЗАРЬ. Он был директором музея, но работал также и в генералкомиссариате. Что он там делал, я не знаю, но в 1942 году был награжден каким-то немецким орденом на зеленой ленте.

Музеем он интересовался мало, только церковная утварь вызывала в нем какой-то интерес. В бывшем кабинете директора Художественного

музея были сложены евангелия, кресты, чаши и т. д. Ключи от комнат были только у КОЗАРЯ.

С 1941 года во многих церквях возобновилась служба, причем служили священники [...] церкви (на украинском языке). Из церковных вещей музея КОЗАРЬ и ЗЕЛЕНСКИЙ сделали комплекты (риза, чаша, евангелие, крест, дароносица и т. д.) для вновь открытых церквей. Впрочем, мы очень скоро поняли, что за эти комплекты ЗЕЛЕНСКИЙ и КОЗАРЬ получали из сел вознаграждение в виде кур, сала, меда и т. д.

С весны 1942 года в музее все чаще и чаще стали бывать работники Айнзацштаба РОЗЕНБЕРГА, который помещался на улице 8-го марта. Это были доктор Иоган ЭЙНИКЕ и доктор Вальтер МОДРИЯН. Их должности нам были неизвестны. Они приходили с пожилой переводчицей из «фольксдойчей», которую звали Елена Карловна. Но ЭЙНИКЕ и МОДРИЯН ничего не брали в музее. Их интересовали только материалы отдела археологии.

Вообще с переездом к нам Исторического музея грабежи почти прекратились. Главного врага Художественного музея Ф. Е. БЕЛОЗУБА не было, КОЗАРЬ в музее бывал мало, а Художественный музей его вообще не интересовал. Если иногда и приезжали «любители искусств», то мы обычно показывали чумацкие возы, отдел археологии и т. д. Все соблазнительное – фарфор, картины, мебель – было скрыто хламом.

Оставшиеся экспонаты Художественного музея мы сложили в библиотечную комнату и заставили большим шкафом, в других комнатах экспонаты завалили хламом. Большие картины оставили в коридоре, так как ими никто не интересовался. Многие картины мы с ПОГРИБНЯКОМ покрыли густой акварелью и написали на них футуристические композиции. В таком страшном виде они были в сравнительной безопасности.

Работники Айнзацштаба интересовались не только экспонатами, но и картотеками.

К ЭЙНИКЕ и МОДРИЯНУ присоединились приехавшие из Нюрнберга профессор ГОРНУНГ и доктор ГЮЛЛЕ. Все они не были военными, но носили форму табачного цвета. Только МОДРИЯН носил на руке красную повязку со свастикой. Ранней осенью 1942 года была организована археологическая экспедиция по островам Днепра. ДнепрогЭС не работал, вода сильно упала и обнажились берега и острова. Там часто

на поверхности находили много предметов эпохи палеолита, неолита и бронзы.

По этим местам бродил все время археолог-самоучка Шура БОДЯНСКИЙ – постоянный гость Исторического музея. Вероятно он находил много интересного, иногда даже кое-что показывал немцам, но ничего не отдавал и не продавал, а потом говорил, что потерял или что выбросили родители.

Немцы очень интересовались его находками и хотели сделать БОДЯНСКОГО своим проводником, но он обычно надолго исчезал и никто из сотрудников музея «не знал его адреса». Потом он снова появлялся, дразнил немцев какой-нибудь необыкновенной находкой и снова пропадал*. Немцы вели раскопки по берегам Днепра (Стрильча скеля, с. Вовниги), руководил раскопками доктор ГЮЛЛЕ. Все найденное привозилось в музей, нас (меня, Пашу, ПОГРИБНЯКА) заставили мыть черепки и посуду. Профессор ГОРНУНГ целыми днями стучал на пишущей машинке. МОДРИАН разбирал экспонаты и писал карточки. С холодами археологическая экспедиция свернула свою работу. Остался МОДРИАН, который стал готовить выставку археологических находок, куда вымогал и большинство экспонатов археологического отдела музея.

Зимой 1942–43 годов мы (работники Художественного музея) старались учесть оставшиеся экспонаты, привести в какой-то порядок документы, но делать это нужно было с оглядкой, т. к. в музее бесшумно присутствовал МОДРИАН. В канцелярии поставили плитку, топлива было много на чердаке (щепа). Здесь же, в канцелярии, стоял стол МОДРИАНА, где он чертил какие-то карты, схемы, делал этикетки. За другим столом сидел НАКЕЛЬСКИЙ и занимался починкой галош (поэтому мы все ходили с сухими ногами, в аккуратно залатанных галошах). Паша готовила завтрак (в складчину). В общем обстановка была довольно мирная. МОДРИАН косился на наши ароматные кулеши, но есть отказывался и ходил завтракать в казино. [...] Вот далеко не полный перечень этих слов: торбохват, малохольный, урка, сивка, шпана и т. д. Были слова и совершенно непечатные. Когда он просил объяснить их значение, я обычно уклонялась, объясняя, что плохо знаю немецкий язык. Надо отдать должное Елене Карловне, она никогда не переводила ему

* Насправді О. В. Бодянський брав участь як помічник археолога в археологічних експедиціях на порожисту частину Дніпра під керівництвом керованих Айнзацштабом Розенберга [2, Спр. 159, арк. 112].

правильно, а говорила, что это шутки и значительно смягчала значение «загадочных слов». Часто МОДРИАН был очень веселый, пел песни, иногда даже танцевал от холода в залах, но работал много.

Среди зимы подготовка к выставке была закончена. Залы 2-го этажа побелили, ПАША и БЕЛАЯ помыли полы (в мороз). Были расставлены витрины, МОДРИАН разложил и расставил экспонаты, развесил схемы и карты. В день открытия выставки съехалось много немцев – военных и штатских, был штадткомиссар КЛОСТЕРМАН, председатель управы СОКОЛОВСКИЙ, секретарь управы ФАБЕР и многие другие*. Объяснения давал Модриан.

К тому времени я уже немного говорила по-немецки. Во всяком случае могла сказать многое, но понимала немцев плохо, вероятно потому, что говорили они очень быстро, картавили и шепелявили.

Выставка меня интересовала, так как я видела, что ей немцы придавали очень большое значение.

При помощи своих скудных знаний немецкого языка и с некоторой помощью Елены Карловны я поняла следующее: немцы считают себя потомками готов. На выставке показаны в основном экспонаты готской культуры, найденные на Украине. На карте, которую вычертил МОДРИАН, были показаны следы готской культуры, обнаруженные как раз до самой Волги. Следовательно, делал вывод МОДРИАН, вся территория Украины и дальше на восток до Сталинграда принадлежала готам, а поэтому немцы имеют на нее право. Вот «теоретическая база» фашистского ученого для оправдания гитлеровской авантюры.

В декабре – январе 1943 года веселое настроение МОДРИАНА исчезло. До нас доходили слухи о битве на Волге. МОДРИАН становился все мрачнее и мрачнее. Он по-прежнему сидел в канцелярии, но ничего не делал. Часами сидел и смотрел в окно на пустой двор и заснеженные крыши. В конце января мы узнали о поражении немцев в Сталинграде. Но о настоящих масштабах поражения мы узнали значительно позже. В январе по немецкому радио (10 минут на украинском языке) мы услышали: «В районі Сталінграду операцію закінчено». В городе увеличилось количество лазаретов, для [них] освобождались большие дома, выселили Айнзацштаб Розенберга. Решено было выселить и наш Историко-художественный музей на Гостиную улицу № 8. Однако решение

* Уточності щодо відкриття подібної виставки докладно розглянуті у статті Н. Кашеварової [3].

это потом отменили, так как на нашем здании не было крыши. МОДРИАН поселился в музее. Для него побелили маленькую комнату на 1-м этаже (теперь кабинет директора Художественного училища).

В конце зимы в музее прошло еще одно сокращение штатов – уволили НАКЕЛЬСКОГО и ПОГРИБНЯКА, но приняли на работу библиотекаря Ольгу Николаевну КРАУЧУН (из фольксдойчей). Она очень гордилась своим немецким происхождением и на нас посматривала с презрением. Сначала она взялась за приведение в порядок Исторического музея (книги Художественного музея хранились отдельно). Заставляла БЕЛОГО делать полки, двигать шкафы и т. д. Потом она притихла. Шум в библиотеке прекратился. Ольга Николаевна стала читать романы графа САЛИАСА, которые обнаружила в журналах «Исторический вестник». К сожалению, она не только читала их, но и всрвала, а потом отправляла в Германию своей дочери, куда она собиралась ехать сама. Мне об этом рассказала Елена Карловна.

В конце зимы 1942-43 гг. настроение немцев улучшилось. Приехал из Ростова на Дону профессор МЮЛЛЕР* с семьей (фольксдойч). Немцы относились к нему с большим уважением, не то, что к КОЗАРЮ, которого чуть ли не в глаза называли «картофель-профессор» и профессор-«Brotlessen» (?).

Как только потеплело, снова приехали из Нюрнберга ГЮЛЛЕ и ГОРНУНГ. Возобновила работу археологическая экспедиция, проводником которой был профессор МЮЛЛЕР. Языка он не знал и объяснялась с немцами его жена Татьяна Александровна.

Весной мы посадили огороды, землю нам дали там, где теперь Днепропетровская улица. ГЮЛЛЕ и МЮЛЛЕР ездили на раскопки, а ГОРНУНГ работал в музее. Он стал учить русский язык. ГОРНУНГ был веселый, румяный, семидесятилетний самодовольный немец. Он, по-видимому, считал, что все должны радоваться тому, что он знает несколько русских слов и каждое утро, поднимаясь по лестницам музея, кричал: «травствуйте», «командант», «шпоне», «ящик». Он заставлял БЕЛОГО и РАДЕНЬКОГО делать многочисленные ящики, куда складывались археологические находки, предварительно вымытые и записанные.

В конце июля, как-то сразу, у немцев наступило тревожное настроение. Спешно уехали ГЮЛЛЕ и ГОРНУНГ со своими многочисленными ящиками. Помрачнел КОЗАРЬ. Огороды заставили снять в начале авгу-

*Мова йде про Михайла Олександровича Міллера (див. докладно [7]).

ста, так как боялись партизан (они прятались в кукурузе и подсолнухах). КЛИМЕНКО не появлялся.

Стали расти слухи, что жителей из города с приближением фронта выгонят.

За время оккупации в музее скопилось много раскопок и списков похищенных вещей. Все эти бумаги хранились в папке.

Там же был документ о том, что какая-то воинская часть взяла памятник Екатерины из Исторического музея. Папка хранилась в нестогоравом ящике, а ключ от него был у меня и ПОГРИБНЯКА.

С приближением фронта КОЗАРЬ взял ключ себе и больше мы не видели ни ключа, ни папки. Поэтому сохранились только некоторые списки похищенных вещей, с которых я успела снять копии.

В августе наша армия освободила Сталино и Днепропетровск стал фронтовым городом. МОДРИАН и ЕЙНИКЕ готовили все археологические экспонаты музея к отправке в Краков. Снова стучали молотки, сбивались ящики, но однажды утром я пришла на работу, а там уже немцев не было. Они уехали легковой машиной. Слишком близко был фронт и транспорта для экспонатов они достать не могли.

Но о картинах художественного музея немцы забыть не могли, и хотя работники Айнзаштаба Розенберга картин не брали, о них вспомнили другие. В один из дней августа 1943 года в музей приехали гестаповцы и потребовали показать музей. Их не интересовали ни археология, ни этнография, они искали картины, которыми до сих пор никто не интересовался. Они ничего не увидели, так как уцелевшие от грабежа картины были хорошо замаскированы. И тогда к нашему ужасу они стали выносить большие картины и грузить их на машины. Среди этих картин были работы Пащина Н. М. «Иван Грозный», Домьянова «Старые годы», Колесникова И. Ф. «Осень», Дроздова «Перекупщики» и др.

Через несколько дней был объявлен по радио приказ, что все население должно через два дня выйти из города и идти на запад: «Там вас ждет работа и жилье»... – так оканчивался этот приказ. Первый раз его читал Евгений САВЧЕНКО (редактор «Днепропетровской газеты»), а второй раз Ярослав ЦЫБАКИН – работник генерал комиссариата. Из нагорного района все жители должны были уходить немедленно, так как этот район объявлялся запретной зоной. Я погрузила какие-то вещи на тачку и с ребенком и матерью переселилась в музей. Мы сидели там несколько дней в подвале, но убежище было ненадежное. Все время приходили солдаты и требовали, чтобы мы уходили, но мы все (моя се-

мья, БЕЛЫЙ, Паша с Любой, РАДЕНЬКИЙ с женой) твердо решили не трогаться с места. Семья КОЗАРЯ тоже жила в музее. Они собирались уезжать все, кроме жены КОЗАРЯ*.

Вокруг бушевали пожары. Горел физический корпус.

Григораж Ніна Павлівна

Оригінал. Машинопис. Підпис – автограф.

Архів ДІМ. – Спр. 540. – Арк. 35-46.

Попри заголовок «Музей в 1941-42-43 годах» наведений текст містить надзвичайно важливу інформацію про повсякденне життя мешканців окупованого Дніпропетровська, політику окупаційної влади, насамперед у галузі музейної справи, а також щодо діяльності каральних органів, принципів культурної роботи та особливостей інформування населення. Нарешті, важливою складовою частиною документа є дані про поведінку конкретних особистостей в умовах окупації.

У «Лекції» описуються надзвичайно важкі умови життя мешканців Дніпропетровська, які залишилися під окупантами. У першу чергу це стосується хронічної нестачі продуктів харчування. Згідно з дослідженнями В. В. Стецкевича щодо цін на ринках міста узимку 1941–1942 рр., «невеличкий буханець хліба низької якості коштував 120–150 крб., стакан пшона – 20–25 крб., стакан «самосаду» – 40–50 крб., одна порція сахарину... – до 20 крб., 1 кг сала – 1600–1700 крб., літр молока 50–70 крб., кілограм вершкового масла – 800–900 крб., стакан солі – до 300 крб. тощо» [5, 102]. Зарплатня ж музейних робітників упродовж того самого періоду, за винятком директора В. В. Коренева (1200 крб) та наукового інвентаризатора Н. П. Григораж (600 крб), становила від 200 до 350 крб. [2, Спр. 159, арк. 105, 112]. Навіть за умови згаданих у «Лекції» щотижневих пайків – 400 гр хліба, 10 гр олії, 1 кг пшона – співробітники музею були приречені на голодне існування.

Ще важче жилося узимку, особливо під час сильних морозів. Будинки, у тому числі й споруда музею, не ремонтувалися. У цьо-

* Насправді дружина П. А. Козаря змушена була залишитися в Дніпропетровську через хворобу дитини [9, с. 16].

му контексті незрозуміло, чому під час розгляду діяльності П. А. Козаря як посадовця (до вересня 1942 р.) обласної управи його здобутком вважають ремонт будівлі Історичного музею, якщо останній із середини лютого 1942 р. був резиденцією штадткомісара Клостермана [9; 10, с. 445]. Помешкання на вул. Шевченка, 21 з експонатами двох музеїв залишалося без даху і на початку 1943 р.

Напевне, ще тяжчим життя за тих умов робив інформаційний «голод». У «Лекції» підкреслюється брехливість засобів масової інформації, якими опікувалися органи окупаційної влади. Простежується засилля німецької мови і вилучення з інформаційного простору російської, адже «Дніпропетровська газета» видавалася українською. Прагнення отримати правдиву інформацію про події на фронті супроводжувалося ризиком для життя. Про це яскраво свідчить діяльність А. С. Клименка, постать якого ще необхідно дослідити. Ще однією репрезентованою в тексті подією, що потребує окремого аналізу, є втеча і подальша доля військовополонених, які заради отримання зброї пройшли жах тренувального табору для поліцейських.

Жорстка політика окупаційної влади на сторінках «Лекції» подається не лише у вигляді згадок про жорстоке гестапо та шибениці на вулицях, установлені для деморалізації мешканців. «Новою» владою виселялися жителі цілих кварталів нагірної частини міста, призначеної виключно для німців. Організація справ у культурній галузі підкреслювала зверхнє ставлення окупантів до місцевого населення. Як справедливо зазначають Н. В. Киструська та Г. А. Борисов, у 1941–1943 рр. у Дніпропетровську дійсно діяли театри і найбільш популярним із них був музично-драматичний ім. Т. Г. Шевченка [4, с. 177]. Проте за свідченням очевидця, яким виступає автор «Лекції», для місцевого цивільного населення був організований театр у Клубі залізничників, у той час як у театр ім. Шевченка допускалися тільки військові. Ураховуючи наявність у Дніпропетровську військових шпиталів, кількість яких із часом збільшувалася, інтерес до театру з боку військовослужбовців дійсно не зменшувався. Тому і не дивно, що актори та музиканти отримували зарплатню в райхсмарках [4, с. 178]. Ще гірша ситуація була з кінотеатрами. За даними

Н. П. Григораж, із кількох подібних закладів цивільному населенню був дозволений вхід лише до кінотеатру, розташованого в театрі Юного глядача.

Політика окупаційної влади в галузі музейної справи не була винятком. Цілком очевидно, що експонати Художнього музею цікавили нацистів тільки з погляду об'єкта пограбування, чого не можна сказати про археологічну спадщину. Діяльність Айнзацштабу Розенберга була насамперед спрямована на пошук готських старожитностей як у музейних колекціях, так і під час археологічних розкопок. Зокрема, експедиція на чолі з д-ром Гюлле та д-ром Модріяном зосередилася на дослідженні «готських» пам'яток – могильника черняхівської культури (у сучасній археологічній номенклатурі) поблизу с. Новоолександрівка в Дніпровському Надпоріжжі. І хоча розкопки не входили до першочергових завдань Айнзацштабу, вони були започатковані з огляду на «важливість з точки зору ідеологічної боротьби» [6, с. 26].

Яскраво описане у «Лекції» відкриття 12 грудня 1942 р. археологічної експозиції музею зайвий раз демонструє, що діяльність науково-дослідних установ Райху була покликана обґрунтувати «історичну місію» нацистів на Сході. Теза про велике значення цієї виставки для культурного життя в окупованому місті не витримує критики, адже створювалася вона винятково для німців, із метою показати військовослужбовцям вермахту «зріз ранньої історії зайнятого східного простору» [8, с. 396].

Ураховуючи характер документа, який був покликаний сформулювати чітке ставлення до ворога-окупанта, цілком зрозумілі деякі оцінки автора. Зокрема, Н. П. Григораж підкреслює власне, у край негативно, ставлення насамперед до діячів обласної та міської допоміжної управ – П. Т. Соколовського, І. І. Зеленського та ін. Усю відповідальність за пограбування музеїв автор «Лекції» перекладає саме на них. Особливо нищівні характеристики надані П. А. Козарю. Аналіз архівних матеріалів не дає підстав для спростування останніх. Утім Н. П. Григораж не згадує про власну діяльність на посадах наукового інвентаризатора та наукового секретаря і того факту, що з листопада 1942 р. саме вона підписувала абсолютну більшість документів об'єднаного Художньо-історичного музею. Автор «Лекції» по-

зиціонує себе поруч з іншими співробітниками допоміжного персоналу музею, чітко проводячи межу між «ми» (прості працівники музею, які опинилися в безвихідній ситуації) та «вони» (керівництво управи, помічники окупантів). Подібна опозиція визначальна для цього тексту спогадів. Таким чином, основною нарративною стратегією документа є виправдання.

Отже, запропонований документ – безперечно важливе та інформативне джерело для всебічних і незаангажованих досліджень проблем періоду нацистської окупації. Останнє особливо актуальне з огляду на сучасну історіографічну ситуацію.

Бібліографічні посилання

1. Арх. Дніпропетр. іст. музею ім. Д. І. Яворницького [Текст]. – Спр. 540, арк. 35–46.

2. Держ. арх. Дніпропетр. обл. [Текст]. – Ф. 2276, оп. 1, спр. 1808; Спр. 1151; Спр. 159.

3. *Кашеварова, Н.* Обґрунтування історичних прав на українські території в ідеологічній доктрині нацизму: промова гаупттайнзацфюрера Оскара Венднагеля на відкритті історико-археологічної виставки у Харкові 1 листопада 1942 р. [Текст] / Н. Кашеварова // Арх. України. – 2005. – № 1–3. – С. 221–232.

4. *Киструська, Н. В.* Культурне життя в окупованому Дніпропетровську [Текст] / Н. В. Киструська, Г. А. Борисов // Велика Вітчизняна війна 1941–1945 років: сучасні проблеми історичної освіти і науки: зб. матеріалів міжнар. наук. конф., Д., 12–13 трав. 2005 р. / С. І. Світленко (відп. ред.) [та ін.]. – Д., 2005. – С. 174–179.

5. *Стецкевич, В. В.* Дніпропетровськ в добу окупації. 1941–1943 рр. (історіографічні та фактологічні аспекти теми) [Текст] / В. В. Стецкевич // Гуманіт. журн. – 2003. – № 4 (20). – С. 97–106.

6. *Тесленко, Д. Л.* Археологія на службі пропаганди (діяльність науково-дослідних установ Третього рейху на окупованій Дніпропетровщині) [Текст] / Д. Л. Тесленко // Друга світова війна і доля народів України: тези доп. 3-ї Всеукр. наук. конф. – К., 2008. – С. 25–27.

7. *Тесленко, Д. Л.* Михайло Олександрович Міллер – людина і учений в епоху гуманітарних катастроф [Текст] / Д. Л. Тесленко, Ю. Ю. Фанигін // Вопросы германской истории: сб. науч. тр. / С. И. Бобылева (отв. ред.) [и др.]. – Д., 2008. – С. 70–102.

8. Центр. держ. арх. вищих органів влади та управління України [Текст]. – Ф. 3676, оп. 1, спр. 75.
9. Чабан, М. Павло Антонович Козар [Текст] : біограф. нарис / М. Чабан // На Дніпрельстан через пороги (Вибране) / П. Козар. – Д., 2000. – С. 3–17.
10. Ченцов, В. За відсутністю доказів [Текст] / В. Ченцов, Д. Куделя // Відроджена пам'ять: книга нарисів. – Д., 1999. – С. 441–448.

Надійшла до редколегії 01.04.09